

ВЕСТНИК РГГУ

№ 16(96)

Научный журнал

Серия «Филологические науки. Языкознание»

Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания Российской Академии наук

Вопросы языкового родства
Международный научный журнал

№8 (2012)

Москва 2012

Russian State University for the Humanities
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Journal of Language Relationship
International Scientific Periodical

№8 (2012)

Moscow 2012

Редакционный совет:

Вяч. Вс. ИВАНОВ (Москва – Лос-Анджелес) / председатель

Х. АЙХНЕР (Вена)

М. Е. АЛЕКСЕЕВ (Москва)

В. БЛАЖЕК (Брно)

У. БЭКСТЕР (Анн Арбор)

В. Ф. ВЫДРИН (Париж)

М. ГЕЛЛ-МАНН (Санта-Фе)

А. Б. ДОЛГОПОЛЬСКИЙ (Хайфа)

Ф. КОРТЛАНДТ (Лейден)

А. ЛУБОЦКИЙ (Лейден)

А. Ю. МИЛИТАРЕВ (Москва)

Л. ХАЙМАН (Беркли)

Редакционная коллегия:

В. А. ДЫБО (главный редактор)

Г. С. СТАРОСТИН (заместитель главного редактора)

Т. А. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь)

К. В. БАБАЕВ

А. В. ДЫБО

А. С. КАСЬЯН

С. В. КУЛАНДА

И. С. ЯКУБОВИЧ

Журнал основан К. В. БАБАЕВЫМ

Advisory Board:

Vyach. Vs. IVANOV (Moscow–Los Angeles, Calif.) / Chairman

M. E. ALEXEEV (Moscow)

W. BAXTER (Ann Arbor, Mich.)

V. BLAŽEK (Brno)

A. B. DOLGOPOLSKY (Haifa)

H. EICHNER (Vienna)

M. GELL-MANN (Santa Fe, New Mexico)

L. HYMAN (Berkeley)

F. KORTLANDT (Leiden)

A. LUBOTSKY (Leiden)

A. YU. MILITAREV (Moscow)

V. F. VYDRIN (Paris)

Editorial Staff:

V. A. DYBO (Editor-in-Chief)

G. S. STAROSTIN (Managing Editor)

T. A. MIKHAILOVA (Editorial Secretary)

K. V. BABAEV

A. V. DYBO

A. S. KASSIAN

S. V. KULLANDA

I. S. YAKUBOVICH

Founded by Kirill BABAEV

УДК 81(05)
ББК 81я5

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. Акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2012. — № 8. — x + 180 с. — (Вестник РГГУ: Научный журнал; Серия «Филологические науки. Языкознание»; № 16(96)).

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2012. — No. 8. — x + 180 p. — (RSUH Bulletin: Scientific Periodical; Linguistics Series; No. 16(96)).

ISSN 1998-6769

<http://www.jolr.ru/>
journal@jolr.ru

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Подписано в печать 31.07.2012. Формат 60×90/8.
Бум. офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1050 экз.
Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в «Наша Полиграфия», г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	ix
Note for Contributors / Будущим авторам	x

Articles / Статьи

<i>K. B. Babaev</i> . Реконструкция личных местоимений в убангийских языках	1
[<i>Kirill Babaev</i> . Reconstruction of the Ubangian personal pronouns]	
<i>A. N. Barulin</i> . Семиотический Рубикон в глоттогенезе. Часть 1	33
[<i>Alexander Barulin</i> . Semiotic Rubicon in glottogenesis. Part 1]	
<i>Albert Davletshin</i> . Proto-Uto-Aztecan on their way to the Proto-Aztecan homeland: linguistic evidence	75
[<i>A. И. Давлетшин</i> . Юто-ацтеки на пути к ацтекской прародине: языковые свидетельства]	
<i>M. B. Oslon</i> . Отражение древнеиндийского среднего рода в цыганском	93
[<i>Mikhail Oslon</i> . Reflexes of the Old Indic neuter gender in Romani]	
<i>Gábor Takács</i> . Omotic lexicon in its Afro-Asiatic setting III: Omotic * <i>p</i> -	103
[<i>Г. Такач</i> . Омотская лексика на общеафразийском фоне III: омотское * <i>p</i> -]	

Discussion Articles / Дискуссионные статьи

<i>George Starostin</i> . Dene-Yeniseian: a critical assessment	117
[<i>Г. С. Старостин</i> . Критический взгляд на дене-енисейскую гипотезу]	
<i>Edward Vajda</i> . The Dene-Yeniseian connection: a reply to G. Starostin	138
[<i>Э. Вайда</i> . Дене-енисейское сравнение: ответ Г. С. Старостину]	
<i>Ranko Matasović</i> . The substratum in Insular Celtic	153
[<i>Р. Матасович</i> . Иноязычный субстрат островных кельтских языков]	
<i>Tatyana A. Mikhailova</i> . Once again on the pre-Celtic substratum in the British Islands	160
[<i>Т. А. Михайлова</i> . Еще раз о докельтском субстрате Британских островов]	
<i>Ranko Matasović</i> . Reply to Tatyana Mikhailova	165
[<i>Р. Матасович</i> . Ответ Т. А. Михайловой]	

Book Reviews / Рецензии

<i>Václav Blažek</i> . Indo-European “Smith” and his Divine Colleagues, 2010 (<i>Т. А. Михайлова, М. А. Живлов / Tatyana Mikhailova, Mikhail Zhivlov</i>)	169
--	-----

Periodic reviews / Периодика

The Journal of Indo-European Studies. Vol. 38, № 1–2, 2010

(A. B. Сидельцев / A. Sideltsev) 177

Сведения об авторах

Бабаев Кирилл Владимирович — канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), babaev@yandex.ru

Барулин Александр Николаевич — канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник сектора компаративистики Института языкознания РАН (Москва), barulin@rambler.ru

Вайда Эдвард — профессор факультета современных и классических языков, университет Западного Вашингтона, edward.vajda@wwwu.edu

Давлетшин Альберт Иршатович — канд. истор. наук, преп. Института восточных культур и античности РГГУ (Москва), aldavletshin@mail.ru

Живлов Михаил Александрович — канд. филол. наук, преп. Центра компаративистики ИВКА РГГУ (Москва), науч. сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва), zhivlov@gmail.com

Матасович Ранко — преподаватель факультета лингвистики Загребского университета, rmatasov@ffzg.hr

Михайлова Татьяна Андреевна — доктор филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ (Москва), tamih.msu@mail.ru

Ослон Михаил Владимирович — канд. филол. наук, науч. сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН (Москва), neoakut@gmail.com

Сидельцев Андрей Владимирович — канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник, зав. сектором анатолийских и кельтских языков Института языкознания РАН (Москва), cidelcev@rambler.ru

Старостин Георгий Сергеевич — канд. филол. наук, зав. кафедрой истории и филологии Дальнего Востока ИВКА РГГУ (Москва), gstarst@rinet.ru

Такач Габор — научный сотрудник отдела египтологии Будапештского университета, Венгрия, gabtak@datatrans.hu

Contributors

Kirill Babaev — candidate of sciences (Philology), lead researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow), babaev@yandex.ru

Alexander Barulin — candidate of sciences (Philology), senior researcher, Department of comparative linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow),

Albert Davletshin — candidate of sciences (History), researcher, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow), aldavletshin@mail.ru

Ranko Matasović — PhD, researcher, Department of Linguistics, University of Zagreb, rmatasov@ffzg.hr

Tatyana Mikhailova — doctor of sciences (Philology), professor, Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Moscow State University (Moscow), tamih.msu@mail.ru

Mikhail Oslon — candidate of sciences (Philology), researcher, Department of typology and comparative linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow), neoakut@gmail.com

Andrej Sideltsev — candidate of sciences (Philology), senior researcher, head of the Department of Anatolian and Celtic Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), cidelcev@rambler.ru

George Starostin — candidate of sciences (Philology), Head of Department of the history and philology of the Far East, Institute of Eastern Cultures and Antiquity, RSUH (Moscow), gstarst@rinet.ru

Gabor Takács — researcher, Department of Egyptology, Eotvos Lorand University, Budapest, Hungary, gabtak@datatrans.hu

Edward Vajda — PhD, professor, Department of Modern and Classical Languages, Western Washington University, edward.vajda@wwwu.edu

Mikhail Zhivlov — candidate of sciences (Philology), researcher, Center for Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities (Moscow); researcher, Department of Uralo-Altaic Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), zhivlov@gmail.com

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. All such submissions should be sent to the managing editor:

G. Starostin
Institute of Oriental Cultures and Antiquity
Russian State University for the Humanities
125267 Moscow, Russia
Miuskaya Square, 6
E-mail: journal@jolr.ru

Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (French, German, etc.) is possible. Each article should be accompanied with an abstract (not exceeding 300 words) and keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our Website at: <http://www.jolr.ru> or address the editorial staff directly at journal@nostratic.ru.

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий, от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Рукописи можно высылать непосредственно заместителю главного редактора по адресу:

125267 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
Г. Старостину
E-mail: journal@jolr.ru

Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя возможна также публикация статей на других европейских языках (французский, немецкий и т. п.). К каждой статье обязательно прикладывается резюме (не более 300 слов) и список ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. Вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru>, или же непосредственно обратившись к редакции по электронной почте (journal@nostratic.ru).

Реконструкция личных местоимений в убангийских языках*

Настоящая работа продолжает серию публикаций по сравнительному анализу личных местоимений и личных показателей в языках нигеро-конголезской макросемьи. В статье исследуются личные показатели языков убанги (Центральная Африка), проводится ступенчатая реконструкция праязыковой парадигмы местоимений.

Ключевые слова: личные местоимения, убангийские языки, нигеро-конголезские языки, языки Африки.

Семья языков убанги (или убангийских языков) объединяет около семидесяти языковых единиц (71, согласно данным каталога [Lewis 2009]); эта цифра весьма приближительна, так как некоторые идиомы близки друг другу вплоть до взаимопонимаемости, и прежде их нередко рассматривали как диалекты одного языка. В последние десятилетия в связи с ростом детализации языковых описаний не меньше двух десятков идиомов получили признание в литературе в качестве полноправных языков: так, ещё в 1989 г. к группе нгбанди было принято относить только одноимённый язык [Boyd 1989: 193], сегодня в её составе насчитывают уже шесть языков [Lewis 2009: 687, 694—695].

Носители языков убанги населяют обширный ареал в самом сердце африканского континента. Большая часть этого ареала расположена в бассейне рек Мбому, Уэле и образованной их слиянием реки Убанги, чем и объясняется название языковой семьи, выдержанное вполне в лингвонимических традициях африканского языкознания. Общую численность носителей языков семьи можно приблизительно оценить в 3—4 млн. человек ([Williamson & Blench 2000] дают цифру в 2.3 млн. по оценке 1978 г.). Языки убанги граничат на западе с языками адамауа, на севере и востоке — с нило-сахарскими языками (в основном принадлежащими к центральносуданской семье, на западе и юго-западе — также к нилотской семье), на юге — с языками банту семьи бенуэ-конго.

В 1924 г. об убангийской группе из 25 языков впервые написал М. Делафосс [Dela-fosse 1924], включивший её в состав «негро-африканской» семьи языков, а в 1935 г. Й. Вильс включал их в т. н. «экваториальную» семью. В 1940 г. языки убанги были введены в состав большого генетического конгломерата «суданских языков» [Baumann, Thumwald & Westermann 1940].

Одна из первых попыток внутренней классификации ряда убангийских языков была сделана в статье миссионера Р. Мортье, вышедшей в свет в небольшом журнале в Бельгийском Конго в разгар Второй мировой войны [Mortier 1941]. Её автор относил «небанту-ские» языки бассейна Убанги, которые он делил на пять групп, к «восточносуданским» языкам [Mortier 1946] — опять же пользуясь терминологией Д. Вестермана [Westermann 1911].

В своей работе [Greenberg 1963] Дж. Гринберг ввёл языки бассейнов рек Адамауа и Убанги в состав нигеро-конголезской макросемьи, объединив их под условным наимено-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №10-04-00269 «Диакронические процессы и генетические отношения языков Африки».

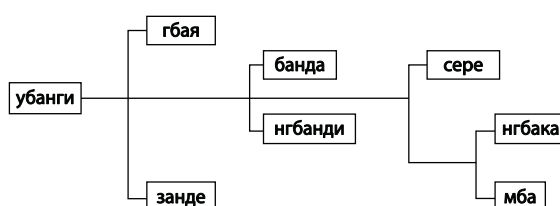
ванием «адамауа-восточных» (Adamawa-Eastern), так как зона их распространения сильно выдавалась на восток от западноафриканского региона. Ранее языки этого обширного региона, в массе своей не изученные в должной степени, рассматривались как неклассифицированные группы или «кластеры», как о них писали в середине XX столетия [Westermann & Bryan 1952; Tucker & Bryan 1956; Richardson 1957]. Позже данная семья языков получила название адамауа-убанги [Samarin 1971], принятое и сегодня.

В 1970-е и 1980-е годы появилось не менее трёх десятков описаний различных языков и диалектов семьи. Сравнительный анализ данных между собой, а также с языками адамауа проводился в основном методами статистического сопоставления списков лексики. При этом лексикостатистические расчёты показали значительные расхождения не только между группами языков адамауа и убанги, но и между идиомами в составе двух ветвей. В работах [Samarin 1971; Bennett 1983] было показано, что степень близости целого ряда языков и групп языков между собой настолько невысока, что говорить с уверенностью об адамауа-убангийской генетической общности по крайней мере преждевременно. Так, даже в географически смежных языках каре (адамауа) и бозом (убанги) Центральноафриканской Республики (ЦАР) сравнение базовой лексики показывает лишь 9—10% возможных генетически родственных пар [Samarin 1971: 224—225]. Позже к лексикостатистическим материалам добавились данные сопоставления фонологии и морфологии, усилившие обоснованность той точки зрения, что языки адамауа и убанги следует рассматривать как две независимые семьи в рамках нигеро-конголезских языков.

В последние годы ряд исследователей предложили и другие гипотезы о внешней генетической классификации языков убанги. Так, Р. Бленч некоторое время отстаивал идею существования т. н. «саваннской семьи» языков Африки [Williamson & Blench 2000], объединяющей языки гур, убанги, ряд языков адамауа и, возможно, изолированный язык пре. В 2008 г. Х. Диммендаль [Dimmendaal 2008] высказался за исключение семьи языков убанги из состава нигеро-конголезской макросемьи, т. к. она, по его мнению, «не подходит» под лексические и грамматические критерии родства, применимые к другим семьям языков нигер-конго.

Убангийские языки представляют собой довольно компактную картину для анализа в сравнении не только с гипотетическим адамауа-убангийским объединением, но и с соседней семьёй адамауа. Их классификация по Дж. Гринбергу, состоящая из восьми групп [Greenberg 1963: 9], была модифицирована в работе У. Самарина [Samarin 1971: 225, со ссылкой на личное сообщение Л. Букио и Ж. Тома] и сведена к пяти ветвям. Эта классификация впоследствии многократно пересматривалась и уточнялась, однако, как и прежде, основанием для пересмотра служили лишь несистемные сопоставления списков слов, пестревшие белыми пятнами и фонетическими ошибками, а также типология фонологических и морфологических систем. Так, например, группа языков банда постулировалась, исходя из особенностей фонологии и существования именных префиксов [Boyd 1989: 191]. В этой работе Р. Бойд предложил классификацию языков убанги, остающуюся общепринятой и по сей день. Эта классификация представлена на Диаграмме 1 и разделяет языки семьи на три ветви: гбая, банда-нганди-сере (в свою очередь, подразделяемую на три группы) и занде.

Диаграмма 1

Степень изученности языков трёх основных ветвей убангийских языков с точки зрения сравнительного анализа крайне неоднородна. Впечатляющих и надёжных результатов компаративистам удалось достичь, пожалуй, только в сфере изучения языков гбая, которые в течение нескольких десятилетий изучаются французским исследователем Ивом Моñино [Moñino 1980, 1981, 1988]. В 1995 г. была опубликована его фундаментальная монография [Moñino 1995] с изложением детального сравнительного анализа языков гбая и реконструкцией праязыка группы — его фонологической структуры, основ морфологии, значительно-го объёма лексики (более 1000 единиц), в том числе и субъектных личных местоимений.

К настоящему времени относительно неплохо описаны близкородственные языки группы банда, однако специального сравнительного исследования по ним не существует; с точки зрения типологии и лексических соответствий языки банда затрагиваются в работе [Olson 1996].

Монография Х. Паш [Pasch 1986] содержит качественный сравнительный анализ именной морфологии (прежде всего систем именных классов) в языках группы мба, за которым следуют выводы о внутренней классификации языков группы. Из личных показателей в работе рассмотрены только притяжательные аффиксы, их сравнения по различным языкам группы не проводится.

Языки группы сере исследовались в сравнительной перспективе С. Сантандреа, однако его итоговая работа [Santandrea 1950] довольно поверхностна и ограничивается лексическими сопоставлениями; что же до местоимений, то её автор не углубляется дальше постулирования типологических сходств вроде наличия противопоставления эксклюзивных и инклюзивных форм [Santandrea 1950: 47—48]. Работой А. Н. Такера полувековой давности [Tucker 1959] исчерпывается, к сожалению, и список сравнительных исследований языков группы занде. Реконструкции праформ в ней не проводится, хотя следует признать, что фактический материал по местоименным системам в указанной работе дан весьма подробно.

В своей статье [Boyd 1989] Р. Бойд предложил реконструированные формы четырёх местоимений праязыка адамауа-убанги [1989: 207], однако обоснования реконструкции в работе представлено не было. На сегодняшний день это, видимо, единственная попытка реконструкции личных местоимений более высокого хронологического уровня, чем уровень групп языков.

Системы личного маркирования языков убанги характеризуются следующими особенностями.

В большинстве групп семьи проводится противопоставление местоимений 1PL по категории инклюзивности / эксклюзивности (банда, нгбанди, нгбака-мба, занде). Особенностью данной категории является её факультативное дополнение значением двойственного числа. Так как это последнее жёстко ограничено первым лицом и повсюду сопутствует инклюзивности, есть смысл (как и во многих других группах языков субсахарской Африки) не рассматривать категорию инклюзивности и значение дуалиса по отдельности, а объединять их в единую грамматическую категорию расширенного первого лица, которая, по терминологии М. Сисоу [Cysouw 2003], имеет три значения: дуалис, инклюзив и эксклюзив. Таким образом, при наличии такой категории в местоименной системе присутствуют два или три перечисленных значения, при отсутствии — только нейтральное местоимение 1PL, но никогда иначе. Кроме того, формы инклюзива и дуалиса в различных родственных языках обычно имеют единое происхождение: так, форма 1DU линда *ɔzɔ* соответствует инклюзивным формам близкородственных языков, в то время как форма 1DU бака *ʔā*, напротив, единого происхождения с эксклюзивными местоимениями других языков убанги.

Центральноафриканский ареал, занятый в т. ч. носителями языков убанги, в этом смысле является одним из трёх ареалов субсахарской Африки (наряду с крайним Западом и Кордофаном), где распространена данная категория. При этом, как будет показано ниже, категория расширенного первого лица вполне может быть прослежена до праязыка по крайней мере одной из групп в составе убангийской семьи.

Субъектные показатели в глагольном предложении располагаются перед глагольной группой (имеющей схему VO) и в ряде языков функционируют как глагольные префиксы. Положение объектных показателей — постпредикативное, в некоторых языках они суффицируются к сказуемому. Суффиксальными в большинстве своём являются и показатели притяжательности. В неглагольном предложении, а также в значениях фокуса и топика употребляются субъектные местоимения серии, которую мы в настоящей работе называем фокализованной (в литературе по убангийским языкам такие местоимения принято также называть «аппозитивными» [Moñino 1988, 1995]).

Для убангийских языков характерно выражение различных значений личного показателя одного лица и числа с помощью единой формы местоимения. Наиболее маркированными в этом смысле являются формы фокализованных личных местоимений, которые в целом ряде языков образованы от субъектно-объектных форм путём редупликации (нгбугу *m̄* ‘ты’, *m̄m̄* ‘ты’ (фокал.)) или добавления префигированного вокалического элемента (линда *b̄* ‘я’, *̄b̄* ‘я’ (фокал.)). В тех языках, где объектные (а вместе с ними чаще всего и притяжательные) показатели лица отличаются от субъектных, они либо редуцированы (бофи *m̄* ‘я’, *-m̄* ‘меня, мой’), либо образованы от супплетивной основы (занде *m̄* ‘ты’, *-r̄* ‘тебя’). В редких случаях супплетивная основа применяется при образовании притяжательных аффиксов: наиболее интересен пример 2SG посессивных маркеров в языках банда, имеющих корень *z̄* / *z̄ā* при *mV* / *bV* в прочих сериях. Языков, где, подобно банту, различались бы четыре различных серии личных показателей, среди убангийских языков не обнаруживается.

В отдельных языках можно видеть перенос видовременных или модальных значений сказуемого на субъектные личные показатели, что приводит к появлению новых форм, преимущественно различающихся только тональным рисунком (например, якома *mb̄i* ‘я’ (PRES, PF) vs. *mb̄i* ‘я’ (FUT)).

Притяжательные показатели различают категорию отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности — это различие проводится повсюду в языках групп гбая и занде, а также в языке гбайи (группа нгбанди). При этом посессивная словоформа неотчуждаемой принадлежности (для имён существительных, выражающих ближайших родственников и части тела) строится в формате схемы «именная группа + суффиксальный личный показатель», значение же отчуждаемой принадлежности требует конструкции «именная группа + несвязанный атрибутивный маркер + суффиксальный личный показатель». Атрибутивный маркер является общим для всех лично-числовых значений и в зарубежных работах чаще всего называется «детерминативом» [Moñino 1995: 82]). Именные генитивные (в т. ч. посессивные) синтаксические группы строятся аналогичным образом: соположением имён существительных при неотчуждаемой принадлежности и с помощью маркера со значением отчуждаемой принадлежности.

(1) <i>w̄</i> <i>kpa</i> <i>pālā</i> <i>gālā</i>	(2) <i>īz̄</i> <i>rī</i> <i>mbālā</i>
3SG чесать кожа нога	экскремент GEN слон
‘Он чешет ногу’ (букв. ‘кожу ноги’);	‘экскременты слона’ [Boyd 1988: 44—45].

Среди атрибутивных маркеров, используемых в языках гбая, можно выделить **k̄* (с общегенитивным значением), **d̄ā* (с ассоциативным значением) и **n̄* (с комитативным

значением); все три восходят к праязыку группы. В некоторых языках при присоединении показателей лично-числовых значений к генитивному маркеру происходит фузия, ср. гбану *kéle* < **kó-lé*. По этой причине в настоящей работе местоимения неотчуждаемой принадлежности будут даны в таблицах в полном виде, хотя в большинстве языков их довольно легко можно разложить на неличный генитивный маркер и собственно личный показатель.

Схожее противопоставление прослеживается в объектной серии личных показателей: во многих из рассмотренных нами языков проводится различие между показателями прямого и непрямого объекта. В частности, наиболее последовательно данное различие выражено в группе гбая, однако отмечено также в языках групп занде и нгбанди. В языках гбая показатели непрямого объекта образованы добавлением личного объектно-суффикса к дативно-бенефактивному маркеру **há-* ‘для, к’ [Moñino 1995: 160].

(3) *ndé wá gbéé-m*
 CONJ 3PL.S убивать.PROSP-1SG.DO
 ‘Они собираются убить меня’;

(4) *mε tó yege né é ha túrí hám*
 2SG.S сказать QUOT CONJ CONJ давать одежда 1SG.IO
 ‘Ты сказал, что дашь мне одежду’ [Samarin 1966: 104, 106].

Слитный показатель непрямого объекта в примере (4) является результатом грамматикализации послеложной группы, которая ещё отчётливо видна в других группах убангийских языков (например, в группе занде), где непрямообъектная группа строится с помощью контаминированных послелога и личного показателя, ср. в нзакара:

(5) *mó-ít-ê*
 2SG.S-оставить — 1SG.O
 ‘Оставь меня!’

(6) *kó-hú pamba n-é*
 3SG.M-давать нож PP-1SG.O
 ‘Он дал мне нож’ [Tucker 1959: 131].

Личные показатели в языках убанги имеют в основном структуру CV, в редких случаях V. Показатели отчуждаемой принадлежности и непрямообъектные маркеры, образованные путём добавления собственно личного показателя к показателю посессивности, могут иметь двусложную структуру CVCV (например, бозом *ká-ré* ‘наш’ (отчужд.)) и даже трёхсложную CVCVCV. Такая же силлабическая структура типична для тех показателей фокализованной серии, которые образованы с помощью удвоения (например, линда *?é?é* ‘вы’). Характерной особенностью личных показателей множественного числа в убангийских языках является их дисиллабическая структура — вида VCV или, чаще, ?VCV. При этом в объектных формах мы нередко видим форму без ларингального приступа и вокалического префикса: бофи *?élē* ‘мы’ (субъект) и *lē* ‘мы’ (объект), *?ēnē* ‘вы’ (субъект) и *nē* ‘вы’ (объект). О природе ларингальной фонемы в личных показателях убангийских языков будет сказано ниже.

Показатели третьего лица в убангийских языках по своему происхождению и особенностям функционирования в языке несколько отличаются от местоимений двух первых лиц. В первую очередь стоит отметить их бросающуюся в глаза разнородность (см.